

пример, в речи взрослых активно используются такие приветствия, как *Здравствуйте!*, *Привет!*, и такие прощания, как *До свидания!*, *Пока!*; в речи же детей младшего школьного возраста, кроме вышеперечисленных коммуникем, часто можно встретить такие приветствия, как *Салют!*, *Хай!*, *Хеллоу!*, и такие прощания, как *Покедова!*, *Гуд бай!*, *Бай-бай!*. В речи же взрослых подобные единицы встречаются значительно реже. Этот факт можно объяснить изменением характера взаимоотношений между взрослыми людьми: взаимоотношения между взрослыми характеризуются более официальным сдержанным характером, чем взаимоотношения между детьми.

В результате эксперимента установлено также, что и в речи детей, и в речи взрослых количество прощаний больше, чем приветствий. Кроме того, вместе с прощаниями весьма активно использовались и в речи детей, и в речи взрослых пожелания. Этот факт, на наш взгляд, можно объяснить тем, что для собеседника важнейшим является всё-таки этап завершения процесса коммуникации, чем его начальный этап. Можно предположить, что для собеседников наиболее значимым является то, какое впечатление произведет говорящий на слушающего именно в конце общения, ведь не зря народная мудрость гласит «по одежке встречают, по уму провожают». Это, в свою очередь, подтверждает мнение ученых о том, что именно завершающий этап процесса общения формирует общее впечатление о человеке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Львова, С. И. Язык в речевом общении / С. И. Львова. – М., 1992.
2. Меликян, В. Ю. Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи / В. Ю. Меликян. – М., 2001.
3. Меликян, В. Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения / В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д., 2001.
4. Хованская, О. Н. Этикетные коммуникемы в речи младших школьников // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2008. – Специальный выпуск. Гуманитарные науки.

УДК 81'1

ББК 81.411.2–5

А. Г. Чикибаев

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРЕЦЕДЕНТОСФЕРЫ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье исследуются интертекстуальные возможности вузовских учебников для формирования лингвистической прецедентосферы студентов-филологов. Автор рассматривает главные принципы адаптированного изложения научного текста. В статье анализируется прецедентный субтекст в научном тексте, а также фактор адресата в учебных лингвистических текстах.

Ключевые слова: субтекст, прецедентосфера, фактор адресата.

A. G. Chikibaev

INTERTEXTUAL CAPABILITY OF UNIVERSITY'S TEXTBOOKS FOR FORMATION OF STUDENT-PHILOLOGIST LINGUISTIC PRECEDENTSPHERE

Abstract. The article deals with intertextual capability of university's textbooks for formation of student-philologist linguistic precedentsphere. The author analyzes the main principles of the adapted scientific text description. The precedent subtext in the scientific text and also the factor of the recipient in educational linguistic texts are researched.

Key words: subtext, precedentsphere, the factor of the recipient.

Основную информацию о лингвистических прецедентных феноменах (ПФ) студенты получают прежде всего из учебников. Затем она воспроизводится на учебных занятиях, в процессе самостоятельной работы студентов, на экзаменах и зачетах. Научно-учебные тексты являются, таким образом, связующим звеном в цепи педагогического взаимодействия между создателем учебного пособия и студентами.

Все учебники ориентированы на будущих филологов, обладающих определенными базовыми знаниями, имеющих некоторую лингвистическую подготовку, отличающихся достаточно высоким культурным уровнем – именно поэтому они содержат значительный процент ссылок и цитат. Украинские и российские создатели учебных пособий в сфере филологии подразумевают у студентов запланированный государственным стандартом объем фоновых знаний, в то время как западные авторы «стремятся не обременять слушателей большим количеством названий, имен, цитатных компонентов. Зато в текстах последних прослеживается большой объем аллюзивного материала, предполагающего фоновые знания не столько предметных [в нашем случае, лингвистических – А. Ч.] текстов, сколько фактов действительности, определенных реалий и исторических событий» [7, 15].

Автору учебника важно, чтобы основные лингвистические понятия, дефиниции, правила, образцы разборов, орфограммы и пунктограммы и т. п. были студентами усвоены, стали фактом их сознания, т. е. прецедентными. В учебно-научном тексте фоновые знания адресанта и адресата не совпадают, поэтому научная информация об объектах лингвистической науки подвергается процедуре адаптации. Под адаптацией понимается приспособление некоторого исходного текста, делающего его доступным аудитории («вторичному адресату»), на которую данный текст не был первоначально рассчитан (Г. Т. Хухуни). В основе адаптации лежит процесс популяризации знания, включающий ряд процедур обработки текстов, нацеленных на облегчение их восприятия и понимания реципиентами.

Существуют три главных принципа адаптированного изложения научного текста [8].

Первый из них – это лексико-семантический перевод – переложение излагаемой проблемы со специального языка на язык адресата. Основные приемы – лексико-семантическая аналогия, вольное определение, словообразовательная мотивация, пояснение, корректировка, уточнение, дополнение, толкование, этимологическая справка, историко-хронологическая справка и др. Данный принцип осуществляется с помощью развернутого истолкования трудных для адресата терминов, через характеристику сложных понятий на основании их сравнения с хорошо известными: ... все факты одного качества (падежи, числа, лица, времена и т. п.) связаны в одно целое и каждый факт получает свою значимость по «месту в целом», как говорит Потебня. Ряды форм, в которые входит данное явление, будем называть *п а р а д ъ г м а м и*, а те свойства формы, которые возникают благодаря соотносительности членов парадигмы, – *п а р а д и г м а т ъ ч е с к о й ф о р м о й*. Отсюда несколько следствий.

Во-первых, понятие отрицательной формы или нулевых показателей формы, обоснованное в трудах Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра; так, в русском языке признаком мужского рода единственного числа для глаголов прошедшего времени и кратких прилагательных и причастий будет отсутствие окончания на фоне его присутствия в формах женского и среднего рода (*ходил – ходил-а, ходил-о; хорош – хорош-а, хорош-о; убит – убит-а, убит-о*).

Нулевые показатели в грамматике имеют такое же значение и такую же выразительную силу, как и положительные показатели (прибавление аффиксов, чередование фонем и т. п.). Нулевые показатели, т. е. отсутствие положительного показателя в соотношении системы форм с его присутствием в других формах, опирается на системность языка и парадигматичность форм, образующих ту или иную частную систему. Могут быть *нулевые аффиксы* (см. только что приведенные примеры: *ходил, хорош, убит*), могут быть и *значимые нули* при чередованиях фонем (*порывать – порвать*), могут быть и *нулевые служебные слова*, например связки (*я был здесь, я буду здесь*, но: *я – здесь; он был награжден*, но: *он – награжден* и т. п.).

Во-вторых, и «бесформенные слова», т. е. не распадающиеся на «основную» и «формальную» части, обладают формой благодаря «знанию места» в целом, «будет ли это целой речью или схемой форм» (Потебня). Возьмем несклоняемое «бесформенное» слово *кенгуру*; это слово не распадается на «основную» и «формальную» части, но, сопоставляя такие целые, как: *Серый волк лежал на песке – Серый кенгуру лежал на песке; Я вижу волка – Я вижу кенгуру* и т. п., мы заключаем, что *кенгуру* – существительное, выступающее в роли подлежащего и дополнения в тех же сочетаниях в предложении, что и *волк*, т. е. слово *кенгуру* в русском языке имеет форму существительного, хотя и не склоняется по падежам. В предложении: *Кенгуру – раз антраша!* – все три слова «бесформенны» с точки зрения линейной формы, но парадигматически они все оформлены, и мы грамматически это предложение понимаем так же, как предложение: *Олень сделал прыжок* [9]. Адаптация понятия «языковая парадигма» осуществляется в учебнике А. А. Реформатского с помощью следующих приемов: 1) «рассуждающий» тип речи с формулировкой тезиса, аргументами и выводом, что позволяет показать логику научного исследования; 2) неполные, но достаточные дефиниции (такое определение, с одной стороны, является уже научным, так как не содержит некоторые характеристики определяемого объекта, но, с другой стороны, оно ориентировано на уровень знаний адресата, то есть является типичным учебным определением); 3) уточнение, корректировка; 4) ссылка на авторитеты; 5) изложение от 1 лица, что делает текст личностно-ориентированным; 6) графические средства – разрядка.

Второй принцип адаптации – это конкретизация абстрактного понятия и положения – принцип, в основу которого положена идея общеизвестности примера. Иллюстративность и словесное моделирование — основные разновидности этого принципа:

Стремление найти героине характерологическое имя привело Пушкина к имени *Татьяна*, что сам Пушкин объясняет:

Ее сестра звалась <i>Татьяна</i> ...	Признаться: вкуса очень мало
Впервые именем таким	У нас и в наших именах
Страницы нежные романа	(Не говорим уж о стихах);
Мы своевольно освятим.	Нам просвещение не пристало,
И что ж? оно приятно, звучно;	И нам досталось от него
Но с ним, я знаю, неразлучно	Жеманство, – больше ничего.
Вспоминанье старины	
Иль девичьей! Мы все должны [9].	

Третий принцип – художественность изложения, т. е. стремление автора вызвать интерес адресата, показать значительность, необычность явления, создать занимательность изложения. Осуществляется с помощью аналогии, контраста, образности. Синхрония – это *как бы горизонтальный срез*, т. е. состояние языка в данный момент как готовой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: лексических, грамматических и фонетических, которые обладают ценностью, или значимостью (*valeur de Соссюра*), независимо от их происхождения, а только в силу соотношений между собой внутри целого – системы.

Диахрония – это *путь во времени*, который проделывает каждый элемент языка в отдельности, видоизменяясь в истории.

Для характеристики синхронии А. А. Реформатский использует сравнение, диахронии – метафору [9].

Для любой отрасли знания существует особый список цитируемых авторов, имена которых обязательно должны быть упомянуты при составлении учебного текста. Это имена филологов, прецедентные для данного раздела науки. Многократно повторяющиеся сведения об ученых, их работах и научных открытиях становятся фактом сознания студентов-филологов.

Каждый учебно-научный текст – это система субтекстов. Субтекст – фрагмент целого текста, реализующий в нем один из аспектов познавательной ситуации (онтологический, методологический, аксиологический, рефлексивный или коммуникативный), имеющий свой денотат, выполняющий текстообразующую функцию и обладающий определенной целеустановкой, в соответствии с которыми сформировано внутренне и внешне организованное относительно самостоятельное смысловое целое [3].

По мнению Е. А. Баженовой [4], в собственно научном тексте можно обнаружить и прецедентный субтекст, который, являясь разновидностью онтологического и гносеологического субтекстов, осуществляет идентифицирующую референцию, актуализируя лишь имя научного объекта. Прецедентный субтекст является средством выражения научных констант, выполняющих функцию ориентирования в пространстве множества научных идей. Содержание прецедентного субтекста (целостная научная концепция) известно как автору, так и адресату, поэтому его эксплицитная дескрипция была бы коммуникативно избыточной. По этой же причине он, как правило, не имеет специальных метатекстовых или графических демаркаторов. Прецедентный субтекст апеллирует к знаниям и памяти читателя, отражает общность апперцепционной базы отправителя и получателя научного сообщения.

«Фактор адресата» в учебных лингвистических текстах требует того, чтобы информация о выдающихся лингвистах была представлена эксплицитно, в форме определенных речевых жанров (историко-лингвистическая и биографическая справка, историко-лингвистический комментарий и т. п.) и субжанров (субжанры мы, вслед за К. Ф. Седовым, определяем как такие жанровые формы, которые представляют собой одноактные высказывания, состоящие из одного сверхфразового единства, способные входить в собственно жанры на правах тактик, например дефиниция, правило и пр.): *Практика вызвала и теоретическое осмысление. Крупнейшие ученые конца XIX – начала XX в. – Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр и другие – выдвинули теоретические основы научного описания данного языка в данную эпоху. <...>. Но, пожалуй, наиболее подробно рассмотрел этот вопрос Ф. де Соссюр* (выделено нами – А. Ч.). *Основной его тезис состоит в том, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого».* **Отсюда вытекает идея синхронии и диахронии** [9]. В роли метатекстовых операторов этого историко-лингвистического комментария, вводящих прецедентное для науки имя в учебный текст, здесь выступают: *выдвинули теоретические основы научного описания, подробно рассмотрел, основной тезис, тезис состоит.*

Нередко прецедентное имя, в отличие от собственно научного текста, сопровождается характеристикой (этот субжанр часто является приложением): *Впервые в четкой форме разграничение это (языка и речи – А. Ч.) было выдвинуто и обосновано швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857–1913), крупнейшим теоретиком в области общего языковедения и одним из зачинателей современного этапа в развитии нашей науки. Причем широкую известность учение Соссюра о языке и речи получило только после его смерти.*

В наибольшей степени прецедентный субтекст выражен в учебниках «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» (они «обрамляют» изучение теории языка в вузе). В меньшей степени он представлен в учебных пособиях по другим лингвистическим дисциплинам [5].

Впервые студенты знакомятся с именами лингвистов в учебниках «Введение в языкознание». Одни ученые упоминаются эпизодически (*Карл Бюлер, Эдмунд Гуссерль, Вильям Джонс, Луи Ельмслев, Расмус Раск, Отто Эсперсен* и др.), другие (*Бодуэн де Куртене, Вильгельм Гумбольдт, Николай Вячеславович Крушевский, Александр Афанасьевич Потебня, Фердинанд де Соссюр, Филипп Федорович Фортунатов, Алексей Александрович Шахматов, Лев Влади-*

мирович Щерба) повторяются, их работы цитируются и тем самым имеют тенденцию стать прецедентными не только в науке, но и в сознании студентов-филологов.

Как правило, прецедентные феномены включаются авторами в онтологический субтекст. Задача создателя учебника – соотнести имя ученого-лингвиста и рассматриваемое в параграфе языковое явление:

1) *Явище перерозкладу уперше описав І. О. Бодуэн де Куртене, а термін (рос. переразложение) запровадив В. О. Богородицький*; 2) *Лексемную мотивированность называют значимостью (термин Ф. де Соссюра), словообразовательную мотивированность – внутренней формой слова (термин А. А. Потебни)*; 3) *Розмежування мови і мовлення теоретично обґрунтоване швейцарським лінгвістом Ф. де Соссюром – одним із найвідоміших теоретиків мовознавства й основоположників сучасного етапу в мовознавстві.*

Реже прецедентное имя (ПИ) лингвистов включаются в гносеологический (методологический) субтекст, который отражает способ формирования новых понятий, обоснования и интерпретации основных и уточняющих понятий, т. е. способ установления логико-семантических отношений между ними. Если онтологический аспект связан со знаниями о мире, то содержание методологического аспекта заключается в знании о знаниях. С помощью ПФ авторы учебников показывают процесс возникновения не только самого лингвистического понятия, но и специфичной для него системы действий: 1) *Н. С. Трубецкой – первый ученый, выдвинувший понятие нейтрализации, рассуждал так...* (и далее объемная цитата, формирующая понятие «нейтрализация фонем»); 2) *И. А. Бодуэн де Куртене и Л. В. Щерба обратили внимание на реальное противоречие между сравнительно небольшим числом звуков языка, обозначаемых на письме и усваиваемых при обучении языку, и практически бесчисленным количеством разных физических звуков, из которых складывается речь <...>. Это противоречие и побудило ученых создать и развить теорию фонемы. В настоящее время известна не одна точка зрения на сущность фонемы. <...> Поэтому читателю будет предложена лишь одна из гипотез, стремящихся истолковать природу фонемы. Эта гипотеза восходит к учению акад. Л. В. Щербы... [2, 40].*

Если в учебниках «Введение в языкознание» прецедентный субтекст представлен фрагментарно, то в пособиях по общему языкознанию (раздел «История лингвистики») и истории языкознания он может доминировать, «поглощая» онтологический и гносеологический субтексты. Описание того или иного лингвистического открытия сопровождается, как правило, биографической справкой: *«Якоб Гримм (1785–1863) исследовал с помощью сравнительно-исторического метода одну языковую группу – германскую. Гримм родился в г. Ганнау, учился на юридическом факультете марбургского университета. Однако его истинным призванием стали филология и литература. В 1830 году занимает кафедру немецкого языка и литературы в Геттингенском университете, с 1840 – профессор Берлинского университета... [10, 64].* В учебнике А. А. Гируцкого, например, содержится краткая биография таких лингвистов, как И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков (Остенек), В. М. Вундт, В. фон Гумбольдт, Л. Ельмслев, А. Мейе, Г. Пауль, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, Н. С. Трубецкой, Ф. Ф. Фортунатов, Г. Шухардт.

Имена этих лингвистов неоднократно повторяются и в других, сугубо теоретических разделах учебника, создавая тем самым основу для «вербального импринтинга»: *Автором термина «языковое мышление» был И. А. Бодуэн де Куртене. Он рассматривал языковое мышление не только как сознательное, но и бессознательное, автоматическое использование элементов языковой структуры*; Прецедентное имя (ПИ) участвует в реализации очень важной для учебного текста категории – адресатности, отражающей направленность текста на определенный круг людей, их знания, мнения, интересы, задающей определенную модель семантической и прагматической пресуппозиции реципиента. Она характеризует свойство текста, сквозь призму которого определяются представления о прогнозируемом адресате и специфике интерпретационной программы, обусловленной экстралингвистическими особенностями учебно-научной коммуникации [1]. Авторы большинства учебников по разным аспектам лингвистики учитывают недостаточно высокий уровень фоновых знаний студентов в области лингвистики, заполняя историко-биографическими экскурсами информационные лакуны в их интертекстуальном тезаурусе: *Де Соссюру принадлежит расширение двух основных понятий, используемых для различения любых единиц языка в логической матрице. Это понятия синтагмы и парадигмы. Раньше термин «синтагма» применялся для обозначения только сочетания слов, а термин «парадигма» – совокупности грамматических изменений одного и того же слова. Де Соссюр распространил применение этих терминов на любую языковую единицу.* В этом прецедентном субтексте, состоящем из нескольких строчек, дважды повторяется имя Ф. де Соссюра и дважды – принадлежащие ему термины с их толкованиями.

«Фактор адресата» проявляется и в том, что прецедентный субтекст включает в себя образные средства языка, помогающие студенту наглядно представить анализируемое явление: *Мова – ніби окуляри, які не можна зняти. Ми не бачимо дійсності такою, якою вона є, а лише такою, якою дозволяє це зробити мова. Е. Сепір писав про «тиранічну владу, яку має мовна форма над нашою орієнтацією в світі».*

Впрочем, такого рода адаптаций термина в пособиях немного. Чаще всего авторы учебников включают в прецедентный субтекст метатекстовые вводы, соотносимые с именем лингвиста – глаголы и их формы: *выделяет, считает, называет, открыл (открыт), ввел в научный обиход (введен), разработал (была разработана), говорил, писал* и др.: **В. В. Виноградов выделяет три типа лексических значений...**+ сссылк; вводные конструкции: *Центр, или ядро, образуют, по В. В. Виноградову, полная и частичная омонимия.*

Нередко языковым сигналом ПФ выступает именное словосочетание, включающее существительное с общенаучной семантикой и антропоним (или производное от него притяжательное прилагательное): *ergon и energia Гумбольдта, la langue Соссюра, чужая речь Бахтина* и т. п. Для специалистов (но не студентов!) они обладают большой семантической емкостью при минимальной формальной вместимости, так как являются результатом смысловой компрессии содержания исходных текстов (прототекстов) и формой их метонимической замены (по выражению М. М. Бахтина, «аббревиатурой высказывания») [6]. На онтологическое содержание указывают ПФ, обозначающие объект познания: *трансформационная грамматика Н. Хомского, теория речевых актов Остина и Серля* и др. Методологическое содержание идей выдающихся лингвистов получает реализацию посредством обозначения:

- а) форм знания: *постулаты Г. П. Грайса, максимы вежливости Д. Лича; гипотеза Сепира-Уорфа, теория семантических примитивов А. Вежбицкой, теория надежной грамматики и семантики фреймов Ч. Филлмора, принципы описательной грамматики Ф. Ф. Фортунатова, классификация Гумбольдта-Шлейхера* и др.;
- б) названий научных школ и течений, представителями которых являются упоминаемые лингвисты: *Н. В. Крушевский (Казанская лингвистическая школа), один из основателей Московской фонологической школы Р. И. Аванесов, Московская Фортунатовская школа («формальная» лингвистическая школа) и др.*;
- в) теоретических методов и средств познания: *компонентный анализ слова У. Гуднафа, конверсационный анализ Н. Неппе, Н. Рейбокс*;
- г) инструментов эмпирического познания: *списки Морриса Сводеша, схема родословного древа А. Шлейхера, модель речевой коммуникации Р. О. Якобсона*; д) лингвистических понятий: *фонема и морфема (Бодуэн де Куртене), структура языка (К. Бюлер, Н. С. Трубецкой), опрощение (В. А. Богородицкий), гиперфонема (А. А. Реформатский), иллюкутивное самоубийство (Зено Вендлер)* и др.

Прецедентный феномен – это не только имя, но и высказывание (цитата) известного лингвиста. Как правило, используются первичные цитаты, заимствованные непосредственно из первоисточника:

(1) *О. О. Шахматов пише, що, «визнаючи Мороз реченням односкладним, ми речення Тетпер мороз повинні визнати двоскладним і допустити в ньому пропуск присудка»;* (2) *Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом <...> утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления* (дается ссылка на В. А. Богородицкого). Вторичные, или опосредованные, взятые из текстов, где данный фрагмент сам является цитатой, высказывания являются в учебниках редкостью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеенко, М. А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX – XXI века. Человек и его дискурс. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 221-233.
2. Арбузова, В. Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен: на материале научных и эпистолярных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Виктория Юрьевна Арбузова. – Липецк, 2007. – 202 с.
3. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 272 с.
4. Баженова, Е. А. Прецедентные единицы в научном тексте // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». – 2010. – Вып. 3 (9).
5. Бевзенко, С. П. Історія українського мовознавства. Історія вивчення української мови: навч. посібник / С. П. Бевзенко. – К.: Вища шк., 1991. – 231 с.
6. Березин, Ф. М. Общее языкознание: учебник для вузов / Ф. М. Березин, В. Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
7. Гордиевский, А. А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте (на материале лекций на русском и немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 / А. А. Гордиевский. – Тюмень, 2006. – 19 с.
8. Одинцов, В. В. Речевые формы популяризации / В. В. Одинцов. – М.: Знание, 1982. – 79 с.
9. Реформатский, А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 536 с.
10. Рождественский, Ю. В. Лекции по общему языкознанию: учеб. пособие / Ю. С. Рождественский. – М.: Высшая школа, 1990. – 381 с.